

Возможно, Иллина в тот момент подумала, что так даже лучше. Графиня не хотела убивать Эйли своими руками, но в то же время она страдала от того, что им приходится жить вместе. Иллина ненавидела её. В какой-то момент исчезла даже любовь к этому ребёнку. Теперь Эйли казалась Иллине лишь огромным препятствием для будущего Лейна, Лиззи и её самой. Ни больше, ни меньше.

«Она должна быть благодарна за то, что мы её не выбросили».

Иллина ушла, подумав, что это её последняя услуга Эйли. У нее не было на это времени. Здоровье Лейна и Лиззи было для графини важнее. К счастью, с ними всё было хорошо. Похоже, у них не было побочных эффектов от приёма лекарства, потому что близнецы родились очень талантливыми. Иллине хотелось, чтобы они были её единственными детьми. Графиня теперь испытывала отвращение к Эйли, которая сделала её такой.

Когда Иллина узнала о том, что состояние её старшей дочери ухудшилось, пришло письмо с предложением для Эйли. Графиня снова и снова перепроверяла его, думая, что его прислали для Лиззи. Но нет, оно было для Эйли.

«— Эрцгерцог Блэшер».

Иллина в очередной раз посмотрела на письмо с предложением растерянным взглядом. Граф заплодировал от восторга.

«— Дорогая, ты прирождённый стратег. Ты оставила её в живых, чтобы использовать таким образом?»

«Что за нелепость».

Иллина улыбнулась, увидев, как доволен граф. Она не понимала, почему эрцгерцог прислал предложение. Иллина думала, что изучила все выгоды и убытки в сделках, но впервые видела такую, суть которой была непостижима для нее. Хотя графине это было не по душе, но это не было плохо для них. Нет, скорее наоборот, эта сделка была выгодной. Когда они перенесли дату, эрцгерцог ответил, что так будет даже лучше.

В этот момент Иллина вспомнила о состоянии Эйли. Если обнаружат болезнь Таумизеля, то графство окажется в опасности. Обычно Иллина давно подсчитала бы, что потери, которые они понесут в этом случае, намного больше, чем выгода от замужества. Но она была слишком нетерпелива для этого, так как хотела поскорее избавиться от Эйли. Иллина не хотела столкнуться с катастрофой, которую сама же и создала. Поэтому графиня отнеслась к этому очень легкомысленно.

«Она умрёт вскоре после свадьбы, поэтому никто ничего не узнает».

Для начала, он, скорее всего, ничего не знает о Таумиэле. Она сама с трудом получила эту информацию. Иллина подумала, что, даже если эрцгерцог проводил бы исследование своей способности, он бы никогда не узнал о Таумиэле.

Хотя Иллине по-прежнему было немного не по себе из-за этой ситуации, она поскорее выдала замуж Эйли. Вот так старшая дочь исчезла из семьи графа. Иллина испытала облегчение от того, что она больше не видела свою самую главную проблему. Близнецы продемонстрировали свои индивидуальные способности и укрепили свое положение, и оставалось лишь графине занять подходящее ей место. Все сыграли свои роли.

Прошла неделя с тех пор, как уехала Эйли. И что-то начало идти не так.

«— Мама, мне больно. Я как-то странно себя чувствую».

Лиззи закричала, что её кожа горит. Лейн царапал свое лицо, его взгляд был расфокусирован. Иллина интуитивно поняла из-за чего они заболели. Всё из-за лекарства, которое она им дала. Но почему это произошло так внезапно после стольких спокойных лет? Она была уверена, что с близнецами всё в порядке, ведь графиня дала им совсем немного лекарства. Если бы Иллина скормила им много Таумиэля, то их способности выросли бы значительно, и, опасаясь, что их заподозрят, она выделила им небольшую дозу.

Намного позже графиня узнала о побочных эффектах, но, похоже, такое количество лекарства их не вызывало, потому что даже пятнадцать лет спустя всё было в порядке. Иллина вздохнула с облегчением.

«Хотя люди бывают разные, но почему побочные эффекты проявились так внезапно? Почему?..»

Что ещё хуже, эрцгерцог беспричинно напал на семью графа.

«Но почему? Разве у эрцгерцога есть причина ненавидеть нас? Всё из-за того, что мы не дали приданное при заключении брака? Но разве не он сам просил нас об этом?»

Иллина никак не могла связаться с Эйли. Она отправила письмо, но ответа не получила, а когда отправила слугу, его буквально выгнали за порог. Расстроившись, Иллина отправилась сама, но узнала, что был выдан приказ не пускать никого из графства Лизиана. Она повысила голос, спрашивая, как они могут так поступать с графиней, матерью эрцгерцогини, но рыцари были непреклонны.

Когда они собрались обнажить мечи, Иллина поняла, что тут она ничего не сможет сделать. Семья графа бессильна перед эрцгерцогом, который недавно вернулся с войны с победой и пользовался благосклонностью императора.

Когда на собрании им предъявили обвинение в незаконной торговле, граф пытался настаивать, что эти слова нелепы, но после того, как другая сторона предъявила убедительные доказательства, ему нечего было сказать. Поскольку они занимались контрабандой лекарств и опасных товаров на чёрном рынке, если бы расследование продвинулось дальше, их могли бы ложно обвинить в попытках вызвать смятение стране и угрозе императорской семье. Иллина даже не знала, стоит ли ей радоваться, что всё закончилось на этом.

Её и так сводила с ума мысль о том, что Лиззи и Лейн могли в любой момент достигнуть точки «взрыва», а эрцгерцог внезапно начал разорять графство. Иллина думала, что всё снова стало идеально, но всё было с точностью до наоборот. Лейн сказал, что общался с Эйли. А также шокировал её словами о том, что у её старшей дочери была способность. Лейн считал, что единственный способ преодолеть эту ситуацию — вернуть Эйли.

«— Мама, прямо сейчас тебе нужно заставить её развестись. Я найду способ связаться с ней. А тебе нужно подтолкнуть её ласковыми речами. Эйли всегда была мягкотелой. Используй это. Прости, в будущем я буду обращаться с тобой лучше, я люблю тебя, моя дочь. Разве она не купится, если ты скажешь ей это?»

«— Не говори ничего бесполезного. Например, обвинять её или кричать, как в прошлом. Что-то в этом роде. О, лучше бы, чтобы ты вместо этого заплакала и извинилась».

Иллина не могла не рассмеяться над сложившейся ситуацией. С самого рождения и до настоящего момента Эйли только и делала, что толкала её в ад.

«Ты мучаешь свою мать! Лучше бы ты умерла ещё тогда», — мысленно закричала Иллина, схватившись за голову. — «Не нужно было оказывать милость и тратить годы, чтобы вырастить эту девку, которая стала их врагом. Зачем я приложила столько усилий, чтобы спасти её? Нужно было сделать то, что он сказал. Поскольку я не удалила испорченные побеги вовремя, они сгнили вместе с корнями и загрязнили всю почву. И ради чего я так страдала и сражалась?! Чтобы ты!.. Чтобы ты в одно мгновение сбросила меня в пучину ада?!»

Иллина испытала неконтролируемый приступ ненависти, пока Лиззи не потерлась лицом о её плечо, и тогда гнев графини сразу же стих.

«Я должна спасти этих детей. Я должна выжить, и они тоже».

К её сожалению, прямо сейчас графская семья нуждалась в Эйли. Иллина поцеловала Лиззи в щеку, которая страдала от боли, и успокоилась.

«Я сделаю что угодно ради вашего спасения. Если понадобится, даже подожгу особняк эрцгерцога».

Иллина погладила Лиззи по спине, с нетерпением ожидая того дня, когда она встретит Эйли.

Мертвенно-бледная Эйли лежала на кровати, а её светлые волосы разметались на простыне. Её белые щёки и неподвижные веки были похожи на гипсофилу.

Эйли дышала с помощью аппарата. Она была такой бледной, что, казалось, перед ними лежит мёртвый человек. Грудная клетка ритмично двигалась вверх и вниз. Но, не считая этого, девушка была абсолютно неподвижна.

Дайкин крепко держал Эйли за руку. Он не отрывал взгляда от её лица. Ему казалось, что если он хоть ненадолго отведёт глаза, то Эйли сразу же перестанет дышать.

Минерва с печалью посмотрела на своего сына и невестку. Уже прошло два дня, а Эйли, которая была вынуждена вернуться сюда, так и не очнулась. Доктор Хайрам и медицинский персонал одновременно проводили обследование и лечили девушку, которая была без сознания. По словам врача, состояние Эйли было намного серьезнее, чем они думали.

«— Какое счастье, что мы обнаружили это сейчас. Случись подобное немного позже, не уверен, что мы бы успели принять необходимые меры. Аппарат, который сможет поставить более точный диагноз прибудет только завтра, поэтому давайте не будем торопиться с выводами...» — пробормотал доктор Хайрам.

Его лицо выглядело очень растерянным, он не знал, как это сказать. Дайкин дрожащими руками сжал руку доктора Хайрама.

«— Это серьёзное заболевание, верно? А? Прошу... Пожалуйста...»

«— ...Судя по тому, что я сейчас наблюдаю, больше всего это похоже на болезнь Таумиэля. Мы не можем это подтвердить до завтрашнего дня, пока не придёт аппарат. Но, основываясь на слова о том, что её способность просачивается наружу, и других данных, наиболее вероятным вариантом является болезнь Таумиэля».

Доктор Хайрам начал подробно описывать эту болезнь. Чем дольше он рассказывал, тем сильнее всё расплывалось перед глазами Дайкина. Его захлестнуло отчаяние. Его руки, которыми он держался за доктора Хайрама, безвольно упали. Врач объяснил, что сейчас они оказывают лишь экстренную помощь и лечат лишь то, что могут, а остальное будет понятно, когда Эйли придёт в себя.

Минерва вздохнула. Конечно, она тоже беспокоилась за свою невестку, но не меньшую тревогу у нее вызывал её сын, который два дня не ел, выпил только немного воды, и сидел у постели своей жены как приклеенный.

«Должна ли я порадоваться, что он хотя бы пьёт?»

Дайкин делал это лишь потому, что, если потеряет сознание от обезвоживания, то не сможет находиться рядом с женой. Минерва часто приходила к Эйли, чтобы проверить её состояние, и медицинский персонал был всегда рядом, наблюдая за больной. Несмотря на то, что подле Эйли постоянно кто-то находился, Дайкин настаивал, что не покинет своего места.

— Если ты продолжишь так тратить свои силы, то долго не протянешь.

Он ничего не ответил на уговоры Минервы. Щёки Дайкина, который два дня страдал, как физически, так и психически, стали такими же впалыми, как у Эйли. Минерва с тревогой смотрела на его лицо.

Увидев этот взгляд, Дайкин, наконец, заговорил. Он долго молчал, поэтому его голос звучал ниже и грубее, чем обычно.

— ...Мне кажется, что Эйли испугается, если рядом никого не будет, когда она очнётся. Поэтому я не могу уйти.

«Должно быть, ей было страшно, когда она так внезапно упала в обморок. Было бы ещё страшнее остаться одной, когда она без сознания и болеет. Вокруг Эйли были люди, но все они были незнакомцами для нее. Когда она очнётся, её снова осмотрят и вылечат».

Дайкин не хотел думать о том, что Эйли может не открыть глаза.

«Эйли обязательно очнётся, а я должен быть рядом с ней, чтобы она не запаниковала».

<http://tl.rulate.ru/book/52588/2545235>